

**Александр ОСИПЯН**

**ЭТНИЧЕСКИЕ ЧИСТКИ И ЧИСТКА ПАМЯТИ:  
УКРАИНСКО-ПОЛЬСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ 1939-1947 гг.  
В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ И  
ИСТОРИОГРАФИИ**

*Cum excusatione itaque veteres audiendi sunt.*

Предков следует выслушивать со снисхождением.

Ничто так не объединяет людей, как общее прошлое. Ничто так не разъединяет людей, как общее прошлое. Ярким примером тому может служить “внезапное” припоминание событий, долгое время вытесняемых из памяти, как это имело место в украинско-польских отношениях в 2003 г.

Данная статья не является исследованием польско-украинского вооруженного противостояния 1942-1947 гг. Она также не претендует на полномасштабный историографический обзор данной проблематики и анализ современных польско-украинских отношений. Наше внимание направлено на изучение взаимовлияния прошлого (как некой ушедшей реальности), памяти (как способа хранения неких образов прошлого) и истории (как конструирования связной картины про-

шлого в результате профессиональной деятельности историков). Центральной категорией в данной статье является “память” как индивидуальное переживание современника событий; как социальный конструкт, навязывающий индивидууму критерии отбора – что из имевшего место в прошлом достойно запоминания, а что подлежит забвению; и, наконец, как устная традиция – структурированный (а значит, упрощенный) результат запоминания и отбора информации в удобной для передачи форме, соответствующей определенным стереотипам восприятия в данной культуре.

Вооруженный конфликт между польскими и украинскими партизанами в годы немецкой оккупации привел к массовым жертвам среди мирного населения и его депортации с обеих сторон в 1944-1947 годах. Эта трагедия, оставившая глубокий след в памяти современников, подвергалась полному запрету на какое-либо упоминание в публичной жизни ПНР и УССР в течение четырех десятилетий. В 1990-х гг. запрета уже не существовало и к данной проблематике обратился узкий круг специалистов-историков. Затем в начале 2000-х происходит резкая актуализация и мобилизация памяти (особенно с польской стороны), достигшая своего пика в 2003 году, когда она вышла на уровень межгосударственных отношений.

Именно динамика этого длительного “забывания”, а затем – “неожиданного” возвращения памяти, ее социальное конструирование, канонизация и политизация являются предметом исследования в данной статье. Поскольку события, лежащие в основе исследуемых нами воспоминаний, были надолго изгнаны из публичной и научной жизни, наша публикация также предлагает фактологическую и историографическую картину этого “вытесненного” польско-украинского конфликта.

### *Телеология “украинско-польского” противостояния*

Память по своей природе нарративна. Память нации выстраивает генеалогию героических или трагических событий, организуя их в непротиворечивую историю. Конфликт, о котором идет речь, тоже может быть вписан в историю “украино-польского противостояния”. Поэтому прежде, чем приступить к разбору собственно интересующего нас конфликта воспоминаний, мы предлагаем событийную канву этого “извечного” противостояния в телеологической версии, которая и питает нарратив национальной памяти...

В 1349 г. Галицкое княжество было завоевано Польшей, а Волынь вошла в состав Великого княжества Литовского. В 1569 г. в результате Люблинской унии Волынь вместе с прочими украинскими землями была присоединена к Королевству Польскому. В ходе трех разделов Речи Посполитой Галичина и Малая Польша в 1772 г. были включены в состав империи Габсбургов в качестве провинции Галиция с центром во Львове. Волынь в 1793 и 1795 гг. была присоединена к Российской империи.

На Волыни поляки-католики составляли слой крупных и мелких землевладельцев, а православные украинцы были представлены преимущественно крестьянами. В 1830 и 1863 гг. польская шляхта западных провинций империи тщетно поднимала восстания с целью возрождения независимой Польши. Противовесом польскому сепаратизму, с имперской точки зрения, служило православное малорусское и белорусское крестьянство, также рассматривавшееся в качестве исходного материала для формирования большой русской нации. В провинции Галиция западная часть была населена поляками, восточная (собственно Галичина) – украинцами-униатами (т.н. греко-католиками), являвшимися по преимуществу крестьянами, в то время как землевладельцами и здесь выступали поляки. Поляки господствовали во всей провинции и противились ее разделу по этническому принципу, на чем настаивала украинская сторона. Таким образом, и в Галичине, и на Волыни налицо было противостояние между поляками и украинцами, которое также являлось противостоянием между землевладельцами и крестьянами.

Крах Российской и Австрийской империй в конце Первой мировой войны создал условия для становления украинской государственности. 20 ноября (н. ст.) 1917 г. Центральная Рада провозгласила создание Украинской Народной Республики (УНР). 1 ноября западно-украинские военные части взяли власть во Львове в свои руки. 13 ноября было провозглашено создание Западно-Украинской Народной Республики (ЗУНР). Поляки намеревались включить Галичину в состав возрожденного Польского государства и уже 2 ноября начали боевые действия против украинцев.

25 июня 1919 г. Высший совет Версальской конференции дал Польше полномочия на оккупацию Галичины с предоставлением ей автономии. Украинско-польская война продолжалась до 16 июля 1919 г., когда части Украинской Галицкой армии (УГА) перешли на территорию УНР, возглавляемой тогда Симоном Петлюрой. УНР вела тяжелую борьбу с

РСФСР и нуждалась в союзниках. Поэтому 2 декабря 1919 г. УНР и Польша подписали декларацию, согласно которой УНР признавала Галичину частью Польши. Война Польши и УНР против РСФСР в апреле-октябре 1920 г. завершилась подписанием советско-польского мирного договора в Риге (18 марта 1921 г.), по условиям которого к Польше отходила и большая часть Волыни.

В 1919-1920 гг. в Галичине было арестовано и брошено в тюрьмы около 70 тыс. украинцев, подозреваемых в активной борьбе за независимость ЗУНР.<sup>1</sup> Пройдя через столетие национального угнетения в Российской империи, поляки с еще большим усердием принялись за уничтожение любых проявлений национальной жизни 5 млн. украинцев. Украинскую проблему в Польше предполагалось решить за 25 лет путем денационализации и ассимиляции украинцев и польской колонизации “восточных территорий”. Польским военным колонистам (“осадникам”) предоставлялись земельные массивы в Галичине и на Волыни.<sup>2</sup>

Подобная политика способствовала еще большему обострению земельного голода среди украинских крестьян и, как следствие, вела к росту напряжения в межнациональных отношениях. Украинцам был закрыт доступ к административным должностям в госаппарате. В этих условиях в 1929 г. была создана Организация украинских националистов (ОУН), ставившая своей целью создание Украинского государства.<sup>3</sup> В 1930 г. ОУН начала саботажные акции против колонистов – ее активисты поджигали собранное зерно, сено и дома поляков. Польские власти использовали акции ОУН как повод для начала новой кампании репрессий против украинцев – т. н. “пацификации” (“умиротворения”). Отряды полиции и войска шли от села к селу, уничтожали имущество украинских кооперативов и читален “Просвіти”, широко применяли публичные телесные наказания крестьян и аресты православных священников. В ответ ОУН с 1931 г. перешла к тактике индивидуального террора против представителей польской власти.<sup>4</sup>

Таким образом, вооруженное противостояние между украинцами и польским государством началось задолго до Второй мировой вой-

---

<sup>1</sup> Тарас Гунчак. Україна: перша половина ХХ ст. Нариси політичної історії. Київ, 1993. С. 204.

<sup>2</sup> Там же. С. 205; Timothy Snyder. The Reconstruction of Nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569-1999. New Haven and London, 2003. P. 144.

<sup>3</sup> T. Snyder. The Reconstruction of Nations. P. 143.

<sup>4</sup> Тарас Гунчак. Україна. С. 218-219.

ны, а события 1942-1947 гг. стали лишь логическим продолжением этого противостояния.

### ***Война всех против всех***

Нет ничего удивительного в том, что большинство западных украинцев с радостью встретило крах польского государства в сентябре 1939 г. С приходом новой власти началась широкомасштабная украинизация общественной жизни, высшей и средней школы, административного аппарата. Более того, были репрессированы и депортированы на восток десятки тысяч поляков – госслужащих и представителей имущих классов. Однако вскоре галицкие и волинские украинцы на себе извели «прелести» сталинизма. Это способствовало тому, что большинство западных украинцев приветствовало крах советского режима, ставшего ненавистным всего за два года. За несколько дней отступления Красной Армии из Западной Украины НКВД расстреляло более 10 тысяч политзаключенных, находившихся в тюрьмах и следственных изоляторах региона.<sup>5</sup> Версальская система, не признавшая за украинцами права на создание собственного государства, фактически включила их в один лагерь с прочими «униженными и оскорбленными» нациями межвоенной Европы – венграми, немцами, хорватами и т.д. Неудивительно, что ОУН рассматривала немецкую ревизию Версальской системы как шанс для украинской государственности. Еще до немецкого вторжения в 1941 г. обе фракции ОУН – под руководством Степана Бандеры и Андрея Мельника – направили меморандумы Адольфу Гитлеру, в которых обосновывали необходимость создания суверенной Украины в ее этнических границах.<sup>6</sup>

Уже 30 июня 1941 г. группа активистов ОУН-Бандеры (ОУН-Б) во главе с Ярославом Стецько провозгласила во Львове создание независимого Украинского государства. Это шло вразрез с планами руководителей Третьего Рейха, поэтому ОУН-Б подверглась репрессиям. По мнению американского исследователя Тимоти Снайдера, около 4/5 руководства ОУН-Б было расстреляно в 1941-1942 гг.<sup>7</sup> Бандера, Стецько и некоторые другие руководители ОУН-Б были отправлены в концлагерь Заксенхаузен, где и находились до 1944 г.<sup>8</sup>

<sup>5</sup> T. Snyder. *The Reconstruction of Nations*. P. 159.

<sup>6</sup> Т. Гунчак. Україна. С. 225.

<sup>7</sup> T. Snyder. *The Reconstruction of Nations*. P. 164.

<sup>8</sup> Т. Гунчак. Україна. С. 226-227.

Советские, а затем немецкие репрессии привели к ликвидации многих известных политических деятелей, представителей интеллигенции и просто авторитетных в обществе людей, что расчистило место для активизации молодых радикалов. Как считает Т. Снайдер, “деморализация и уничтожение украинской и польской элит были, вероятно, важнейшими причинами украинско-польского конфликта”.<sup>9</sup> Опыт последних лет свидетельствовал, что верх берет право силы, а не сила права. Тысячи молодых украинцев вступили в подразделения вспомогательной полиции (*Hilfspolizei*), чтобы получить оружие.

Всего за один год воплощения плана “Ост” для всех стала очевидной истинная сущность нацистского “нового порядка”. В октябре 1942 г. ОУН-Б, руководимая на тот момент Мыколой Лебедем, инициировала создание Украинской повстанческой армии (УПА), призванной бороться как с немецкими оккупантами, так и с советским режимом. В конце 1942 – начале 1943 гг. тысячи украинских полицейских ушли в леса Волыни, составив основу УПА.<sup>10</sup> На их место немцы набрбовали в полицию поляков, в очередной раз используя древний принцип “разделяй и властвуй”. Многие поляки сотрудничали с советскими партизанами (в феврале 1943 г. был создан партизанский отряд им. Тадеуша Костюшко).<sup>11</sup>

Еще 30 июля 1941 г. в Лондоне был подписан договор о взаимопомощи в войне с Германией между СССР и польским эмигрантским правительством. Однако вопрос о польско-советской границе так и не был решен. (Что касается союзников, то Англия склонялась к признанию западной границы СССР по состоянию на 22 июня 1941 г., а США откладывали решение этого вопроса до окончания войны).<sup>12</sup>

В феврале 1943 г. завершился разгром немецких войск под Сталинградом. Стало очевидным, что инициатива в войне перешла к СССР и что немцы не смогут удержать Украину. Поскольку вопрос о советско-польской или польско-украинской (с точки зрения ОУН-УПА) границе “завис”, казалось, что он решится в пользу того, кто к моменту ухода немцев будет контролировать спорные территории. Поляки, составлявшие 16% населения Волыни, занимали значительную часть постов в немецкой оккупационной администрации. Польское правительство всячески поощряло подобное сотрудничество, считая, что к моменту

---

<sup>9</sup> T. Snyder. *The Reconstruction of Nations*. P. 163.

<sup>10</sup> *Ibid.* P. 162.

<sup>11</sup> *Історія Української РСР*. Київ, 1977. Т. 7. Кн. 1. С. 118-119.

<sup>12</sup> Там же.

ухода вермахта и прихода Советской Армии эти поляки вместе с вышедшей из подполья “Армией Крайовой” (АК) быстро возьмут власть на Волыни в свои руки и “советам” придется с этим считаться при решении вопроса о границе.

Вполне возможно, что именно в этих условиях ОУН-УПА решила перейти к активным военным действиям против поляков, дабы угрозой физического уничтожения вынудить их к переселению на собственные польские земли. Изгнание польского меньшинства из Галичины и Волыни решало проблему послевоенной границы в пользу украинской стороны в случае ее проведения в соответствии с этническим составом населения. Кто принимал подобное решение и на каком уровне – вряд ли когда-либо удастся установить. В октябре 1943 г. руководство ОУН-Б всячески откращивалось от военных акций УПА против польского населения Волыни, в то же время оправдывая их необходимостью ответить на уничтожение польскими партизанами 394 украинских деятелей на Холмщине в 1942 г.<sup>13</sup> В свою очередь, польская сторона считала свои действия на Холмщине ответной акцией на участие украинских полицейских в выселении польского населения из района г. Замостье, где предполагалось создание территории “Гиммлерштадт” для последующей немецкой колонизации. Известно, что эмигрантское правительство В. Сикорского через подпольную сеть убеждало поляков ни в коем случае не покидать Волынь, надеясь использовать местное польское население как базу для действий “Армии Крайовой” в предполагаемой польско-украинской партизанской войне при ожидавшемся отступлении немцев (и как аргумент в свою пользу при послевоенном решении вопроса о границе).

Большинство нападений УПА на польские села и села со смешанным населением состоялось в марте-апреле, июле-августе и конце декабря. В ночь с 11 на 12 июля УПА атаковала 167 населенных пунктов. По воспоминаниям выживших очевидцев, многие поляки были убиты серпами и косами, что свидетельствует об участии в акции крестьян из соседних сел, которые впоследствии получали имущество и землю убитых. По мнению Т. Снайдера, число убитых поляков колебалось от 40 до 60 тыс.<sup>14</sup>

Польская полиция на немецкой службе мстила украинскому населению за сотрудничество с УПА, поскольку самих партизан найти было

<sup>13</sup> T. Snyder. *The Reconstruction of Nations*. P. 163; Т. Гунчак. *Україна С.* 276.

<sup>14</sup> T. Snyder. *The Reconstruction of Nations*. P. 170.

не так-то легко.<sup>15</sup> В январе 1944 г. на Вольни была создана 27-я пехотная дивизия “Армии Крайовой”, насчитывавшая 6.558 бойцов, которые не только защищали местное польское население от УПА, но также сжигали украинские села и уничтожали украинцев.<sup>16</sup> В конце 1943 г. украинские и польские партизаны начали ликвидацию “вражеских” сел в соседней Холмшине, в результате чего погибло около 5 тыс. мирных жителей.<sup>17</sup> В январе 1944 г. военные действия были перенесены на территорию Галичины, где было убито около 25 тыс. поляков.<sup>18</sup> Количество жертв с украинской стороны неизвестно.

### *Депортации, репатриации, этнические чистки*

Летом 1944 г. Западная Украина была занята войсками СССР. По требованию советского руководства подразделения АК были распущены 29 июля 1944 г., многие ее бойцы вступили в подконтрольное СССР “Войско Польское” Зигмунта Берлинга и впоследствии принимали участие в карательных операциях против украинских партизан и населения на территориях, отошедших к Польше.<sup>19</sup> Многие польские политики после трагических событий 1943 г. планировали полностью выселить украинское население из Галичины, Вольни и Холмщины в СССР, а взамен получить поляков, дотеле бывших советскими гражданами.<sup>20</sup> Однако уже на Тегеранской конференции во время обсуждения польского вопроса (1943 г.) Черчилль дал согласие на предложение Сталина переместить советско-польскую границу на запад.<sup>21</sup> Свою позицию он подтвердил и на Ялтинской конференции 6 февраля 1945 г.<sup>22</sup>

Требование восстановления довоенной границы (а также обнаружение тел тысяч польских офицеров, расстрелянных НКВД в Катинском лесу) стало главной причиной разрыва отношений между правительствами СССР и Польши 25 апреля 1943 г.<sup>23</sup> Поэтому 21 июля 1944 г. Сталин создал марионеточное просоветское правительство – Польский

---

<sup>15</sup> Ibid. P. 172.

<sup>16</sup> Ibid. P. 174.

<sup>17</sup> Ibid. Pp. 175-176.

<sup>18</sup> Ibid. P. 176.

<sup>19</sup> Ibid. Pp. 177-178.

<sup>20</sup> Ibid. Pp. 179.

<sup>21</sup> Історія Української РСР. Т. 7. Кн. 1. С. 325.

<sup>22</sup> Там же. С. 497.

<sup>23</sup> История внешней политики СССР 1917-1985. Т. 1 (1917-1945). М., 1986. С. 455.



комитет национального освобождения (ПКНО),<sup>24</sup> с которым было заключено секретное соглашение о признании новой советско-польской границы.<sup>25</sup> 5 января 1945 г. СССР в одностороннем порядке признал ПКНО Временным правительством Польши.<sup>26</sup> 21 апреля 1945 г. был заключен советско-польский договор о дружбе, который 16 августа был дополнен договором о границе. Галичина и Волынь входили в состав УССР, но с отступлением в пользу Польши на 5-8 км (в некоторых случаях до 30 км).<sup>27</sup> Таким образом, в составе Польши остались древние украинские города Холм, Ярослав и Перемышль, окруженные землями с преимущественно украинским населением (т. н. “Закарзонье”).

В соответствии с договором между правительством УССР и ПКНО, заключенным 9 сентября 1944 г., украинское и польское население, оказавшееся за пределами своих национальных государств (в соответствии с уточненной границей), подлежало добровольной репатриации.<sup>28</sup> Большинство поляков не хотело покидать свои дома в Западной Украине, надеясь на восстановление довоенной границы. Однако поляки были запуганы акциями УПА в 1943-1944 гг. Воспоминания о действиях НКВД в 1939-1941 гг. способствовали распространению страхов, что “кто не поедет в Польшу, поедет в Сибирь”. Поэтому в 1944-1946 гг. около 780 тыс. поляков выехало в Польшу.<sup>29</sup> За первые 8 месяцев 1945 г. 208 тыс. украинцев были вывезены в УССР из соседних юго-восточных районов Польши.<sup>30</sup> Однако большинство не желало покидать родную землю, уповая на защиту отрядов УПА, формировавшихся тут с 1944 г.

С 1945 г. характер войны на украинско-польском пограничье изменился. Теперь в Галичине и на Волыни УПА воевала против войск НКВД. На этнических украинских территориях на юго-востоке Польши УПА сражалась против польских войск, представлявших просоветское правительство и занимавшихся депортацией украинского населения на восток. Часть отрядов распушенной в 1944 г. “Армии Крайо-

<sup>24</sup> Там же. С. 469.

<sup>25</sup> T. Snyder. *The Reconstruction of Nation*. P. 183.

<sup>26</sup> История внешней политики СССР 1917-1985. Т. 1. С. 471.

<sup>27</sup> Історія Української РСР. Т. 7. Кн. 1. С. 499.

<sup>28</sup> В. М. Кіцак. Процес депортації українців з Польщі в 1944-1946 рр. // Питання історії України. Чернівці, 2003. Т. 6. С.185-186.

<sup>29</sup> T. Snyder. *The Reconstruction of Nation*. Pp. 187-188.

<sup>30</sup> *Ibid.* P. 191.

вой” осталась верной лондонскому правительству и начала войну против коммунистической Польши, приняв новое название – “Армия Крайова – Волносьц и Независлосць” (“Свобода и независимость”). Весной 1945 г. УПА и АК-ВиН заключили перемирие, возлагая все свои надежды на начало третьей мировой войны между западными державами и СССР.<sup>31</sup> 1 сентября 1945 г. в украинские районы Польши были введены три пехотные дивизии Войска Польского и два полка войск НКВД, начавшие насильственную депортацию украинцев в УССР.<sup>32</sup> Были убиты сотни мирных жителей, отказывавшихся покидать родные края.<sup>33</sup> Этот этап депортации продлился до 15 июня 1946 г.<sup>34</sup>

Всего же за период “репатриации” с октября 1944 по июнь 1946 гг. в УССР было депортировано 482.661 украинца.<sup>35</sup> Советская сторона заявила о прекращении процесса обмена населением. Тем не менее, к началу 1947 г. в юго-восточных районах Польши все еще оставалось около 200 тыс. украинцев.<sup>36</sup> 28 марта 1947 г. политбюро ПОРП приняло решение о полном выселении украинцев и смешанных украинско-польских семей из данного региона, с последующим их распылением в северных и западных районах Польши.

Выселение украинцев должно было лишить УПА поддержки местного населения, без которой, как известно, партизаны существовать не могут. Расселенные среди поляков отдельными семьями украинцы должны были со временем ассимилироваться и тем самым положить конец “украинскому вопросу” в Польше. В ходе операции под кодовым названием “Висла” депортации подверглось 140.660 украинцев. Пытавшиеся бежать были расстреляны, также как и те, кто был заподозрен в сотрудничестве с УПА. Около 4 тыс. украинцев (в том числе и женщин) были заключены в концлагерь Явожно.<sup>37</sup> Деятельность УПА на юго-востоке Польши утратила всякий смысл. Часть ее отрядов пробила в Чехословакию и была интернирована в Австрии и Западной Германии, часть прорвалась в СССР, где продолжала борьбу с советским режимом до начала 1950-х годов.<sup>38</sup> Всего же в 1942-1947 гг. в

---

<sup>31</sup> Ibid. P. 193.

<sup>32</sup> В. М. Кіцак. Процес депортації. С. 187-188.

<sup>33</sup> T. Snyder. The Reconstruction of Nation. P. 194.

<sup>34</sup> В. М. Кіцак. Процес депортації. С. 186.

<sup>35</sup> T. Snyder. The Reconstruction of Nation. P. 194.

<sup>36</sup> Ibid. P. 196.

<sup>37</sup> Ibid. P. 199-200.

<sup>38</sup> Ibid. P. 200.

необъявленной и неизвестной миру украинско-польской войне погибло около 70 тыс. поляков и 20 тыс. украинцев.<sup>39</sup>

### *Травма памяти*

В свое время Эрнест Геллнер отметил, что рождение нации требует брака между государством и культурой, поскольку главным императивом национализма является принцип “одна культура – одно государство”.<sup>40</sup> Для осуществления этого принципа “много-много людей должно было быть ассимилировано, изгнано или убито. Все эти методы были в итоге применены в ходе осуществления националистического принципа в политике, их и далее продолжают использовать”.<sup>41</sup> Таким образом, если по каким-то причинам не удалось осуществить ассимиляцию какого-либо этнического меньшинства в пределах конкретного государства, оно (меньшинство) должно быть депортировано или уничтожено, ибо, если ранее культура определяла социальный статус ее носителей, то в эпоху наций эта функция перешла к политическим границам.<sup>42</sup> Геллнер вынужден с сожалением констатировать, что “благодаря преступлениям Гитлера и Сталина некоторые, хотя и не все, территории Восточной Европы теперь соответствуют националистическому императиву [этнической однородности. – А.О.]”.<sup>43</sup> Очевидно, этот вывод применим и к польско-украинской ситуации.

Трагические события 1939-1947 гг. оставили неизгладимый след в сознании переживших их украинцев и поляков, след страха и ненависти. Дальнейшее совместное проживание поляков и украинцев на одной земле оказалось невозможным. Поэтому депортации 1944-1946 гг. были хотя и жестоким, но, очевидно, единственным выходом из сложившейся ситуации. Пример Югославии, где этнические чистки сербов и хорватов времен Второй мировой войны не закончились массовой депортацией населения со спорных территорий, а границы между республиками СФРЮ не были приведены в соответствие с этническим составом населения, демонстрирует, что “чистка” населения все равно должна была завершиться. Чистки 1990-х гг. дали огромное число

---

<sup>39</sup> Ibid. Pp. 204-205.

<sup>40</sup> Ernest Gellner. *Conditions of Liberty: Civil Society and Its Rivals*. London, 1994. Pp. 113-115.

<sup>41</sup> Ibid. P. 116.

<sup>42</sup> Ibid. P. 119.

<sup>43</sup> Ibid. P. 122.

убитых, раненых и беженцев, привели к вторжению иностранных войск и дестабилизации ситуации во всем регионе.

К счастью, украинцам и полякам удалось избежать повторения кровавого сценария. Приходится признать, что в значительной степени это произошло благодаря тому, что на украинско-польском пограничье политика тоталитарных режимов Гитлера и Сталина была доведена до логического конца – произошло приведение границ в соответствие с этническим составом населения (посредством переноса границ) и приведение этнического состава населения в соответствие с границами (посредством массовых депортаций). Этот вывод до сих пор кажется многим исследователям еретическим. Американский исследователь Чарльз Инграо косвенно высказывался в этом роде уже после первого цикла этнических чисток в бывшей Югославии, хотя и видел решение проблемы в создании на Балканах двух многонациональных федераций.<sup>44</sup>

### ***Чистка памяти***

В послевоенную эпоху на упоминания об украинско-польском вооруженном конфликте было наложено “рабоче-крестьянское” табу. Все преступления, совершенные в годы войны, приписывались нацистам. Мотивация подобного запрета очевидна, ведь польские и украинские трудящиеся строили социализм, одни – в ПНР, другие – в УССР/СССР. В соответствии с официальной советской идеологией противоречия могли существовать только между различными классами одной нации или эксплуататорами разных наций. Между трудящимися разных наций противоречий не могло быть априори. Братский польский и украинский народы вместе с прочими, выбравшими социалистический путь развития, дружно шли в светлое будущее.

Этот принцип был ретранслирован и в прошлое. Так, например, во всех школьных и вузовских учебниках по истории УССР и СССР многие страны снабжались эпитетами-прилагательными, которые как бы подчеркивали мысль, что в средние века украинцев угнетала именно “шляхетская Польша”, что они, как и другие народы, подвергались эксплуатации в “царской России”. Таким образом, виноватыми оказывались “шляхетская Польша”, “царская Россия”, но современные

---

<sup>44</sup> Charles Ingrao. Ten Untaught Lessons about Central Europe: A Historical Perspective // HABSBURG Occasional Papers. 1996. No. 1 [<http://www2.h-net.msu.edu/~habswab/occasionalpapers/untaughtlessons.html>].

Польша и Россия были свободны от этого наследия: поляки и русские плечом к плечу с украинцами строили социализм. В соответствии с той же схемой в межвоенный период жители западноукраинских земель страдали в составе “панской Польши”, “буржуазной Чехословакии” и “боярской Румынии”, в то время как украинцы в УССР строили социализм и уже пользовались его первыми благами. Таким образом, практически все соседи “советской Украины” получили применительно к прошлому свой негативный эпитет, а в настоящем (1947-1989 гг.) это были друзья по социалистическому лагерю, оставившие противоречия в мрачном феодальном или капиталистическом прошлом. Одновременно с попытками сглаживания украинско-польских противоречий (назревавших на протяжении нескольких столетий) и фактического умолчания о притеснениях поляков в Российской империи, всячески подчеркивалась общая для всех славян германская угроза. Ярким примером этой тенденции является описание в учебниках битвы под Грюнвальдом (1410 г.).

Несмотря на фальшь этой конструкции, ее “терапевтическое” воздействие могло быть положительным. Так, табу на упоминание украинско-польских этнических чисток 1940-х гг. способствовало их постепенной маргинализации и частичному забыванию, ибо многие очевидцы предпочитали ничего не рассказывать своим детям и тем более внукам о конфликте, а ведь именно им предстояло в будущем строить нормальные отношения между двумя народами. Подавление конфликтной памяти не допустило самого страшного – культивирования чувства обиды и потребности реванша. Воспоминания нескольких миллионов украинцев и поляков не стали общенациональной памятью 90 млн. украинцев и поляков. В случае с Югославией, очевидно, столь явного вытеснения травматических воспоминаний и конфликтных версий памяти не было. Более того, носителями этой памяти выступали все сербы и все хорваты, пережившие взаимные чистки во второй мировой войне. По нашему мнению, именно это всколыхнуло вражду, вспыхнувшую на фоне ослабления центрального правительства СФРЮ. Тотальное замалчивание украинско-польского конфликта в советскую эпоху позволило Украине и Польше установить нормальные отношения в 1990-х гг. (Польша первой признала независимость Украины в декабре 1991 г.). Но, безусловно, официальная политика подавления памяти имела и негативные последствия (не говоря уже о моральной стороне этого явления), о чем речь пойдет ниже.

### *Уровни умолчания*

Помимо изгнания из публичной сферы любых воспоминаний об украино-польских этнических чистках, замалчиванию в той или иной степени подверглась деятельность УПА и АК, а депортации были представлены как добровольная репатриация. Это умолчание происходило на разных уровнях, в зависимости от того, на кого оно было направлено. С одной стороны, “водораздел” проходил между *историей СССР* и *историей УССР*. Естественно, что в последнем случае гораздо больше внимания уделялось местной проблематике, хотя стилистика и общая направленность были те же, что и в общесоюзном историческом нарративе – местные факты всего лишь иллюстрировали общесоюзные идеологические догмы.

С другой стороны, “водораздел” проходил по линии *школьные учебники – вузовские учебники – фундаментальные обобщающие труды*. К первой группе относятся общесоюзные учебники “История СССР” и “История Украинской ССР”. Поскольку студенты всех неисторических факультетов изучали только “Историю КПСС”, то “История СССР” и “История УССР” были рассчитаны исключительно на будущих специалистов–историков. Ко второй группе следует также отнести и учебники по истории “южных и западных славян”. Наконец, к третьей группе принадлежат такие “парфеноны” и “колизеи” советской историографии, как “История Второй мировой войны”, “История Великой Отечественной войны”, “История внешней политики СССР 1917-1985” и “История Украинской ССР” (в 8-ми томах, 10-ти книгах). Они были рассчитаны на преподавателей истории и наиболее добросовестных студентов.

За пределами нашего исследования остаются научные монографии и статьи. Во-первых, они были рассчитаны на узкий круг специалистов и не играли существенной роли в формировании социального каркаса памяти граждан СССР. Во-вторых, специфика историописания в СССР состояла в том, что не многотомные обобщающие труды писались на основании статей и монографий, а как раз статьи и монографии писались в соответствии с канонами, заданными авторитетными многотомниками. Квинтэссенцией школьных учебников по истории СССР может служить “Пособие по истории СССР для подготовительных отделений вузов”, изданное в 1987 году – накануне крушения “всех основ” прежнего историописания. Из всех проблем, затронутых в нашей статье, на страницах “Пособия” представлена лишь одна – присо-

единение Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР в сентябре 1939 г. Причем представлено все это в ортодоксальной советской трактовке. Как пишут авторы “Пособия”, после нападения Германии на Польшу перед советским правительством встал “вопрос о спасении от фашистского ига 13 млн. украинцев и белорусов, проживавших в восточных районах Польши”.<sup>45</sup> В учебниках по истории УССР данный тезис дополнялся многочисленными славословиями по поводу того, что сбылась вековечная мечта украинцев жить в одном государстве, что теперь и западные украинцы получили возможность приобщиться к завоеваниям Октября, что они освободились наконец от гнета “панской Польши”, а заодно и от угрозы “фашистского ига”. В этом же стиле выдержано освещение событий и в обобщающих трудах: “Население Западной Украины и Западной Белоруссии, находившееся два десятилетия под гнетом буржуазно-помещичьей Польши, с энтузиазмом встречало своих освободителей, выступало за восстановление советской власти и воссоединение с Советским Союзом”.<sup>46</sup>

Во всех изданиях по истории СССР – от школьных учебников до обобщающих трудов – фактически проигнорировано существование ОУН. Только в “Истории внешней политики СССР 1917-1985” упомянуты “украинские буржуазные националисты”, да и то лишь в связи с созданием “Карпатской Украины” (2 ноября 1938 г.).<sup>47</sup> Разоблачение “предательской деятельности украинских буржуазных националистов” было отдано на откуп украинским советским историкам, с чем они успешно справлялись, награждая членов ОУН самыми нелюбезными эпитетами.

Доставалось и духовенству Украинской греко-католической церкви (УГКЦ), ликвидированной по указанию Кремля в 1946 г. Для воссоздания духа эпохи позволим себе привести следующую цитату:

Они [иерархи УГКЦ. – А.О.] благословляли на зверские расправы с украинским народом немецких фашистов, их прислужников – всякого рода оуновцев, бандеровцев, мельниковцев и других заклятых врагов, которые старались массовыми убийствами, террором и насилием, соревнуясь в этом со своими хозяевами – фашистскими захватчиками, вернуть себе бывшее господство, ввергнуть украинский народ в бездну рабства, бесправия и нищен-

<sup>45</sup> Пособие по истории СССР для подготовительных отделений вузов / А. С. Орлов, В. А. Георгиев, Н. В. Наумов, Т. А. Сивохина. М., 1987. С. 516.

<sup>46</sup> История внешней политики СССР 1917-1985. Т. 1. С. 393.

<sup>47</sup> Там же. С. 349.

ты. Эти недобитки всячески восхваляли фашизм, стремясь разжечь ненависть украинского народа к братским, прежде всего русскому, народам Советского Союза, помогали гитлеровцам поддерживать кровавый режим, принимая непосредственное участие в расправах с населением.<sup>48</sup>

Характерно, что несмотря на потоки грязи, пролитой на ОУН, здесь нет и намек на ее акции против мирного польского населения.

Интересно, что нигде в советской исторической литературе не встречался термин “УПА”. Вместо него использовалось определение “украинские буржуазные националисты”, реже – ОУН. Очевидно, дело было в том, что в лексике советского историописания термины “повстанческий”, “восстание” и т.п. имели положительную семантическую нагрузку, в то время как “национализм” и “националисты” – однозначно негативную. Поэтому писать о “повстанческой армии” “украинских националистов” (да еще “буржуазных”!) советский историк не мог (даже подсознательно).

Деятельность АК в Западной Украине полностью проигнорирована в изданиях по истории СССР и УССР. О ее существовании упоминалось лишь в учебниках по “Истории южных и западных славян”, причем весьма коротко и в негативном свете. “Армия Крайова” (подпольная структура эмигрантского правительства в Лондоне) противопоставлялась “Армии Людовой” (военная структура ПОРП – польских коммунистов), а между этими двумя полюсами находилось, как всегда “неопределившееся”, крестьянство – “батальоны хлопски” (партизанские отряды ППС). Замалчивание деятельности АК в Западной Украине выглядело абсолютно логичным в идеологическом поле советской историографии – что делать польским отрядам на украинских землях?! Они могли действовать только на территории Польши. Таким образом, ни этнических чисток, ни боев между УПА и АК просто не могло быть.

Украинско-польское противостояние абсолютно не вписывалось в советскую концепцию Великой Отечественной войны. Она была монументальной и лаконичной. С одной стороны – битва агрессивной нацистской Германии (“фашистская орда”) с оплотом мира и справедливости – СССР, вынесшим основную тяжесть войны, с другой – двуличные и ненадежные союзники – США и Англия, всячески затягивавшие открытие второго фронта. В этой концепции еще находилось

---

<sup>48</sup> История Украинской ССР. Краткий очерк. Київ, 1982. С. 376.



место “жертвам агрессора” – Польше, Чехословакии и т.д., однако она не учитывала двойственность положения Финляндии (сначала жертва агрессии СССР, затем – союзница Германии) или вишистской Франции. И уж тем более не было в ней места безгосударственным народам (словаки, хорваты, украинцы), решавшим свои собственные проблемы.

Именно этот подход формировал социальный каркас коллективной памяти на протяжении всего послевоенного периода. Все, что в него не вписывалось (например, “власовцы”, СМЕРШ, публичное повешение предателей на освобожденных Советской армией землях, УПА и т.п.), подлежало забвению. Кино, телевидение, книги (от научных до детских), газеты и журналы тиражировали соответствующий образ войны. Форматировалась и память ветеранов войны, которые “знали”, что именно следовало вспоминать перед телекамерой или на встрече со школьниками.

С разложением советского режима в конце 1980-х годов происходит постепенная смена ориентиров памяти. По количеству упоминаний в прессе и на телевидении на первое место выходят ранее замалчивавшиеся события, вытесняя такие нормативные эпизоды, как оборона Сталинграда или форсирование Днепра. В Польше после 1989 г. воспоминания об украинско-польском конфликте выходят на общенациональный уровень – создаются организации ветеранов АК, жертв депортаций из бывших “восточных земель” и даже Союз украинцев Польши, выступивший с осуждением операции “Висла”.

В украинском государстве воспоминания о трагедии 1940-х годов так и не стали общенациональными, оставшись локальной памятью галичан и волянян, также как не получили официального признания ветеранские организации ОУН-УПА. После 1991 г. в школьных и вузовских учебниках оценка ОУН-УПА стала более взвешенной. Однако в массовом сознании представителей старшего и среднего поколений продолжают существовать два противоположных варианта видения последней войны: слегка подретушированный советский – в Центральной, Восточной и Южной Украине и национально-освободительный, подразумевающий борьбу с нацистским и большевистским империализмом, – в Западной Украине.

Подобное противопоставление воспоминаний о прошлом выгодно правящему режиму, состоящему из представителей бывшей советской номенклатуры, стремящихся разделить голоса оппозиционно настроенных избирателей, голосующих за национал-демократов (на за-

паде) и коммунистов (на юге и востоке). Избранная стратегия неизменно оправдывала себя на всех парламентских и президентских выборах постсоветского периода. К началу XXI века, с упрочением позиций правящего режима в Украине, советский вариант памяти о войне утратил политическую актуальность. Некогда помпезное празднование 9 мая было постепенно маргинализировано. В то же время, западноукраинский вариант коллективной памяти о войне не только не утратил актуальности, но и приобрел еще большую остроту, выйдя на высший уровень украинско-польских дипломатических отношений в 2003 году.

Следует отметить, что и в “советской”, и в “западноукраинской” версиях памяти, также как и в учебниках, до 2003 г. отсутствовало упоминание о расправах УПА с польским мирным населением на Волини в 1943 г. Большинство украинских историков и населения в целом (за пределами Галичины и Волини) узнали об этом из книги канадского историка, украинца по происхождению, Орэста Субтэльного – “Украина. История” (впервые издана в Торонто в 1988 г. на английском языке).<sup>49</sup> В 1990 г. она была переведена на украинский и издана в тогда еще Украинской ССР. В 1990-х гг. книга Субтэльного пользовалась огромной популярностью среди преподавателей истории и студентов и выдержала несколько изданий как на украинском, так и на русском языках. В описании Второй мировой войны там имеется небольшой параграф с неожиданным для большинства читателей названием – “Украинско-польская резня”. Всего полстраницы текста О. Субтэльный отвел изложению польской и украинской точек зрения на события 1942-1944 гг.<sup>50</sup> Свое собственное мнение он не высказал, ограничившись замечанием, что конфликт стал результатом всего предшествующего противостояния между украинцами и поляками. На жертвах среди мирного населения Субтэльный внимание не акцентировал. Операции “Висла” он также отвел всего полстраницы. Тем не менее, табу с темы было снято.

Несколько дальше пошел американский историк украинского происхождения Тарас Гунчак. В своей книге, изданной на украинском в 1993 г. (“Украина. Первая половина XX в. Очерки политической истории”), он довольно много пишет об украинско-польском противостоянии в годы войны, в частности, о различиях во взглядах на послевоен-

---

<sup>49</sup> Orest Subtelny. *Ukraine: A History*. Toronto, 1988.

<sup>50</sup> Орэст Субтэльный. *Украина. История*. Київ, 1994. С. 594.

ные границы: “Понятно, что польские планы вызвали сопротивление украинского самостийнического подполья и Украинской Повстанческой Армии. Таким образом, между двумя народами образовался новый фронт. Во взаимной борьбе, часто в результате провокационных действий советских партизан, обе стороны проливали невинную кровь и пополняли перечень позорных деяний, которые, в конце концов, вредили обоим народам”.<sup>51</sup> Вина за конфликт возлагается на обе стороны, да еще со ссылкой на “провокационную” роль советских партизан. Тут же Гунчак пишет о тщетных попытках ООН найти общий язык с польским подпольем для “антинемецкого и антисоветского военного и пропагандистского сотрудничества”.<sup>52</sup> Более откровенное высказывание Гунчак позволил себе в другом месте: “Начиная с 1942 г. партизанское движение на Волыни и в Полесье приобрело значительный размах. Как и все стихийные движения вообще, оно отличалось большой динамичностью и разнонаправленностью. Добавим, что украинские партизаны воевали не только против немцев или коммунистов, а и сводили старые счеты с польским населением”.<sup>53</sup> Как и книга Субтэльного, монография Гунчака была рекомендована Министерством образования Украины в качестве учебного пособия для студентов ВУЗов.

Украинские историки, ограничивавшиеся в начале 1990-х гг. переизданием трудов дореволюционных и некоторых эмигрантских авторов, с середины 1990-х начинают издавать собственные обобщающие труды по истории Украины. Процесс этот продолжается и до сих пор, причем, в отличие от сверхцентрализации советских времен, в независимой Украине он фактически был пущен на самотек. Свои “Истории Украины” издавали не только институты Национальной Академии наук Украины (НАНУ) в Киеве и Львове, но и практически все университеты и многие пединституты. Несмотря на разнообразие авторов, большинство произведений весьма сходно как по структуре, так и по содержанию и представляет собой удивительный симбиоз, а иногда и просто механическое соединение советской, дореволюционной и эмигрантской историографии. Большинство новоявленных историй невелики по объему и рассчитаны на студентов неисторических специальностей (для которых история Украины является обязательным общеобразовательным предметом), а потому весьма непритяза-

---

<sup>51</sup> Т. Гунчак. Україна. С. 232.

<sup>52</sup> Там же. С. 233.

<sup>53</sup> Там же. С. 239.

тельны, но довольно прибыльны, учитывая огромный (и постоянно обновляющийся!) рынок потенциальных покупателей.

В силу вышеназванных причин мы ограничимся упоминанием лишь некоторых, наиболее качественных изданий, отражающих определенные тенденции историописания во Львове и Киеве. В 1997 г. Институт истории Украины НАН Украины издал очередное учебное пособие по истории Украины (тираж 30 тыс.). В разделе, посвященном военной поре (автор – М. В. Коваль), украинско-польский конфликт проигнорирован. Зато в освещении послевоенного периода (автор – Ю. И. Шаповал) значительное внимание уделено депортации украинцев из Польши и операции “Висла”. Причем последняя охарактеризована следующим образом: “Акция ‘Висла’... помогла польским коммунистам завоевать симпатии шовинистических сил, стала заключительной фазой политики этнической антиукраинской ‘чистки’ юго-восточной Польши от коренного украинского населения”.<sup>54</sup> Таким образом, жертвой конфликта представлены исключительно украинцы. Показательным является и использование нового термина (влияние югославских событий) – “этнические чистки”.

В 1996 г. во Львове коллективом авторов была издана “История Украины” тиражом 25 тыс. экземпляров. Региональная специфика, а именно актуальность военного прошлого для политического настоящего, отразилась как на значительно большем объеме материала об ОУН-УПА и депортациях, так и на признании того факта, что и поляки пострадали, но в гораздо меньшей степени, нежели украинцы.

Польские власти с помощью войска, полиции, службы безопасности шовинистических отрядов АК превратили переселение в геноцид против украинского народа Закерзонья. Вооруженные нападения, особенно весной 1945 г., сопровождались массовыми убийствами украинцев, сожжением целых сел. Согласно польским источникам, в ту весну погибло более 10 тыс. украинцев... Таким образом, практически единственным защитником украинского населения стали отряды УПА.<sup>55</sup>

В отличие от киевской версии, которая на тот момент всего лишь отказалась от типичного для советской историографии шельмования ОУН, львовское издание героизирует ОУН-УПА, а ее действия против поляков представляет как самозащиту:

---

<sup>54</sup> Історія України / Під ред. В. А. Смоля. Київ, 1997. С. 332.

<sup>55</sup> Історія України / Керівник авт. кол. Ю. Зайцев. Львів, 1996. С. 316.

На массовые убийства украинцев отряды УПА ответили акциями, в ходе которых уничтожили несколько сот поляков, сожгли несколько сел. Вспыхнула война, в которой приняли участие три дивизии [Войска Польского. – А.О.]... Одновременно осуществлялось переселение польского населения из Украины... под давлением советских органов, а временами под угрозой ответных акций УПА, 480 тыс. населения были выселены. Хотя элементы принуждения имели место, им [полякам. – А.О.] не довелось испытать страданий и проявлений террора со стороны украинцев.<sup>56</sup>

О событиях 1943-1944 гг. в этом учебнике нет ни слова.

Особняком от обеих версий стоит книга профессора Львовского университета (а также Центральноевропейского университета в Будапеште) Ярослава Грыцака, известного своими либеральными взглядами. Его исследование “Очерк истории Украины: формирование современной украинской нации XIX-XX вв.” было издано в рамках проекта Института Центрально-Восточной Европы (Люблин, Польша). Проект предусматривал написание обобщающих трудов по истории Польши, Украины, Литвы и Беларуси историками из соответствующих стран. Книга Грыцака была издана на украинском в 1996 г. и затем неоднократно переиздавалась, а в 2000 г. была опубликована на польском в Люблине в рамках серии “История стран Центрально-Восточной Европы”. На суд читателя Грыцак вынес как польскую, так и украинскую точку зрения относительно уничтожения мирного населения в ходе польско-украинского конфликта. Его собственный взгляд на эти события представлен только замечанием, согласно которому расправы с мирным населением приобрели особую жестокость в силу остроты аграрного вопроса.<sup>57</sup> Фактически, в данном случае Грыцак пошел по пути Субтэльного, однако уделил этому сюжету гораздо больше внимания.

Таким образом, в обобщающих трудах по истории Украины, рассчитанных на массового читателя (и прежде всего – на студенчество), украинские историки (за исключением Я. Грыцака) фактически замалчивали уничтожение польского населения отрядами УПА в 1943-1944 гг. В то же время, в этих изданиях стала появляться информация о военных акциях АК против украинского населения, о применении наси-

<sup>56</sup> Там же. С. 317.

<sup>57</sup> Ярослав Грицак. Нарис історії України: формування модерної української нації XIX-XX ст. Київ, 2000. С. 253-254.

лия и жертвах в ходе депортации украинцев в 1944-1946 гг. и во время операции “Висла”. В большинстве случаев украинцы представлены как нация, зажата между двумя воюющими империями и борющаяся за свою государственность с традиционным врагом – поляками.

Данная тенденция легко укладывается в функциональные рамки национальной истории – прошлое должно легитимировать настоящее. Таким образом, история пишется для того, чтобы в прошлом отыскать доказательства закономерности и неизбежности сегодняшнего существования национального государства, а затем, через систему образования, привить эти взгляды как можно большему числу граждан этого государства. Лучше всего эту мысль сформулировал председатель Верховного Совета Украины, академик НАНУ, д.и.н. Владимир Литвин. В статье “Самоутверждение Украины: нелегкое продвижение”, опубликованной в официальном журнале украинских историков, он, в частности, пишет: “Более чем тысячелетняя история украинского народа – это могучее средство утверждения национальной идентичности. История сплачивает и возвышает нацию”.<sup>58</sup> Данная концепция подчеркивает дидактическую функцию истории, сформулированную еще Цицероном в известном утверждении: “История – учительница жизни”. В обществе как бы существует молчаливое согласие, что дидактической истории (“учительнице жизни”) позволено о многом умалчивать. Известный британский историк Питер Бёрк для обозначения подобного коллективного умалчивания использовал, по нашему мнению, весьма удачный термин – “социальная амнезия”. Причем он указывает на лингвистическое (и не только) родство амнезии с амнистией.<sup>59</sup> Очевидно, в социальной психологии умалчивание о чем-либо, имевшем место в прошлом, равносильно оправданию в настоящем.

### ***Политика памяти в Польше и Украине***

В 1990-х гг. украинские и польские историки, специализирующиеся на изучении Второй мировой войны, стали делать осторожные шаги навстречу друг другу. В июне 1994 г. состоялась их встреча на тему “Польша-Украина: сложные вопросы”. Впоследствии под подобным названием было проведено десять научных семинаров поочередно в

---

<sup>58</sup> В. М. Литвин. Самоутвердження України: нелегкий поступ // Український історичний журнал. 2003. № 1. С. 6.

<sup>59</sup> Peter Burke. Varieties of Cultural History. Cambridge, 1997. P. 57.

Варшаве и Луцке (на Волыни).<sup>60</sup> На этих встречах исследователи стали постепенно нащупывать пути, ведущие к выработке некоего общего видения прошлого. Однако с конца 1990-х гг. двигаться в этом направлении становилось все сложнее. В Польше и Украине активизировались праворадикальные и правоконсервативные силы, настаивающие на признании именно их версии прошлого.

Первоначально обострение ситуации произошло вокруг Лычаковского кладбища во Львове. Причиной затяжного конфликта стал один из секторов некрополя – т.н. “кладбище орлят” (польских воинов, погибших в украинско-польской войне 1918-1919 гг.). В 1930-х гг. здесь был возведен весьма помпезный мемориал, разрушенный в советское время. В 1990-х гг., с разрешения украинских властей, мемориал восстановили, однако в нескольких метрах от него возвели мемориал в память о воинах Украинской Галицкой Армии, павших в боях с поляками в 1918-1919 гг. Как видим, война мертвых и живых была дополнена реанимированным противостоянием между мертвыми. Причиной конфликта между живыми стала надпись, которую предполагалось сделать на польском мемориале: “Польским воинам, героически погибшим за независимость Польши”. Городские власти Львова, выражая настроения украинской общественности, потребовали исключить из надписи слова “героически” и “независимость”. Спорная ситуация вышла на общенациональный уровень и фигурировала в выпусках новостей на нескольких телеканалах. Конфликт из-за двух слов вышел на самый высокий официальный уровень, поскольку президенты обеих стран должны были присутствовать на торжественном открытии восстановленного мемориала. Президент Украины Леонид Кучма встал на сторону поляков, заявив, что львовяне мешают его политике сотрудничества с Польшей. Организованная правой оппозицией акция “Украина без Кучмы!” (за досрочные выборы президента) приобрела наибольший размах именно в Западной Украине, и, очевидно, антипрезидентские настроения местных жителей в немалой степени подпитывались возмущением пропольской позицией Кучмы. Во Львове на многих зданиях до сих пор красуются надписи “Кучму геть!” (“Долой Кучму!”).

1 ноября 2002 г. во Львове был проведен украинско-польский круглый стол “Что нам делать со своей историей?” с участием многих известных историков, журналистов и общественных деятелей либераль-

<sup>60</sup> Polska-Ukraina: trudne pytania. T.1-8. Warszawa, 1998-2001.

ного толка.<sup>61</sup> Однако настоящее противостояние развернулось в 2003 г. в связи с 60-летием трагических событий на Волыни.

Для большинства украинцев, интересующихся историей и политикой и живущих за пределами Галичины и Волыни, польский исторический блиц-криг 2003 г. оказался полной неожиданностью. Однако в самой Польше актуальность этой темы неуклонно нарастала год от года. Так, например, в 1995 г. многотиражная и авторитетная польская *Gazeta Wyborcza* предоставила свои страницы для обсуждения темы “Правда про Волынь”.<sup>62</sup> Этой возможностью воспользовались преимущественно жертвы тех событий, и тональность их писем (опубликованных без редактирования) была вполне ожидаемой и временами провокационной. В Польше было создано “Общество исследования преступлений украинских националистов”. В печати появлялись антиукраинские публикации Эдуарда Прусса и Виктора Полищука.<sup>63</sup> Активизировалась Главная комиссия по расследованию преступлений против польского народа (Институт национальной памяти).

Наибольший резонанс имела публикация в 2000 г. двухтомника (1434 стр.) “Геноцид польского населения, осуществленный украинскими националистами на Волыни в 1939-1945 гг.”.<sup>64</sup> Издание (5 тыс. экземпляров) было профинансировано канцелярией президента Польши, Министерством культуры и исторического наследия и Советом по охране памяти борьбы и мученичества Польши и рекомендовано для изучения в школах.<sup>65</sup> Авторы книги – Владислав и Ева Семашко – использовали около полутора тысяч свидетельств поляков – выходцев из Волыни, а также материалы некоторых польских архивов (следует отметить, что Владислав Семашко – ветеран АК). Как справедливо заметил к.и.н. Игорь Ильюшин (член рабочей группы экспертов по проведению дополнительных научных исследований трагических событий на Волыни в 1943-1944 гг.), авторы проигнорировали сви-

---

<sup>61</sup> С материалами круглого стола можно ознакомиться на веб-странице украинского культурологического журнала “І” [www.ji-magazine.lviv.ua](http://www.ji-magazine.lviv.ua).

<sup>62</sup> Ярослав Ісаєвич. 1943 рік у пам’яті поляків і українців // День. 2003. № 47. 15 березня.

<sup>63</sup> Юрій Шаповал. Чи подолано “волинський синдром”? // День. 2003. № 47. 15 березня.

<sup>64</sup> W. Siemaszko, E. Siemaszko. Ludobójstwo dokonane przez nacjonalistów ukraińskich na ludności polskiej Wołynia 1939-1945. Warszawa, 2000.

<sup>65</sup> Віктор Зам’ятін. Не змішувати історію з політикою // День. 2003. № 47. 15 березня.



детельства українців, не говоря уже о документальних матеріалах, хранящихся в архивах України і Росії. Все це ніяк не сприяло підвищенню научного рівня видання. Ільющин приводить приклади, коли односторонній вибір джерел приводив В. і Е. Семашко до помилкових висновків.<sup>66</sup>

На 2003 рік було заплановано встановлення в Варшаві монумента 27-й Волинської піхотної дивізії АК з написом “в результаті терору і геноциду, здійсненого українськими націоналістами, переважно з ОУН-УПА, серед польського населення на Волині в 1939-1945 роках замучено близько 60 тис. поляків”. Один з провідних польських газет – *Rzecz Pospolita* – практично щодня публікувала матеріали про Волинську трагедію. На 11 липня 2003 р. було заплановано участь президентів А. Квасьневського і Л. Кучми в траурній церемонії в Павлівці – одному з польських сіл, знищених УПА 11 липня 1943 р. В відміння від Польщі, офіційний Київ проводив підготовку до трагічного ювілею без особливих оголошень, знаючи про негативне ставлення до нього жителів Західної України. Тому поширилися чутки, що Україна (в особу президента) повинна буде в односторонньому порядку попросити прощення у Польщі.

Як уже вказувалося, багато українців були шоковані несподівано обрушившимся на них валом інформації після 60 років замалювання: “На національному рівні в Україні можна констатувати лише практичне відсутність інформаційної політики”,<sup>67</sup> “Відсутність офіційної інформації стосовно кількості загиблих українців можна пояснити тільки тим, що підрахунки, подібні польським, в Україні ніхто ніколи централізовано не проводив”<sup>68</sup> (список подібних роздрізнених відповідей можна було б продовжити). Фактично українським історикам довелося “відстрілюватися” з сторінок газет. Як заявив голова всього авторитетного Научного товариства ім. Шевченка Олег Романів, “історіографічний світ”, спостережуваний на протязі останніх років в середовищі українських і польських вчених, був порушений в результаті тенденційного освітлення поляками подій на Волині в час Другої світової війни.<sup>69</sup>

<sup>66</sup> Ігор Ільющин. Роздуми українського історика на сторінках книги польських авторів // День. 2003. № 60. 3 квітня.

<sup>67</sup> Віктор Зам'ятін. Не змішувати історію з політикою // День. 2003. № 47. 15 березня.

<sup>68</sup> Ігор Ільющин. До питання про Волинську трагедію в 1943-1944 рр. // Український історичний журнал. 2003. № 3. С.118.

<sup>69</sup> Д. О. Свідник. Третій фронт на Волині // Поступ. 2003. 13 травня.

По мере приближения 11 июля одна за другой стали проходить научные конференции, посвященные трагической годовщине. Вот их далеко не полный перечень:

19 марта в Луцке начала работу украинско-польская конференция “Украинцы и поляки в годы Второй мировой войны: внутренний и международный аспект взаимоотношений”;

20-21 марта эта же конференция продолжила свою работу в стенах украинского парламента;

11-12 апреля посольство Польши в Украине совместно с украинско-польским клубом “Без предубеждений” провело в г. Острог (на Волыни) форум журналистов и экспертов на тему: “События на Волыни: как жить с этой ношей?”;

12 мая Научное общество им. Шевченко и Центр исследований освободительного движения провели во Львове конференцию под названием: “Третий фронт в Западной Украине: 1939-1947 гг.”;

30 мая – 1 июня во Львове состоялась конференция “Разделенные исторические культуры? Значение Второй мировой войны для становления национальной государственной символики и коллективной культурной памяти в Центрально-Восточной Европе”.<sup>70</sup>

Массированный прессинг официальной Варшавы на Украину зачастую приводил к прямо противоположным результатам. Ярким примером тому может служить научно-практическая конференция “Польский террор на Тернопольщине в 1920-1950-х гг.”, проведенная Государственным архивом Тернопольской области и областным отделением Всеукраинского общества “Просвіта”. Таким образом, эскалация официального “примирения” привела к взаимным обвинениям и росту напряжения в отношениях.

В целом, “волынский синдром 2003 г.” в политике и историографии заслуживает подробного исследования. Здесь мы хотели бы подчеркнуть, что польская сторона рассматривает события 1943-1944 гг. на Волыни в отрыве от всей предыдущей истории польско-украинских отношений и вне широкого контекста Второй мировой войны (подчеркивая сотрудничество украинцев с нацистами и умалчивая о подобном же поведении поляков). Главной причиной трагедии поляки считают распространение национализма среди украинцев. Украинская сторона критикует польскую за игнорирование предыстории

---

<sup>70</sup> Отчет о конференции см. на веб-странице украинского культурологического журнала “І” [www.ji-magazine.lviv.ua](http://www.ji-magazine.lviv.ua).

конфликта и его социальной составляющей (аграрный вопрос), указывает на сотрудничество поляков с немцами и “советами”, намекает на провоцирование украинско-польской резни из Берлина и Москвы.<sup>71</sup> Жестокость, проявленную по отношению к мирному польскому населению, украинские исследователи объясняют нежеланием польского эмигрантского правительства отказываться от претензий на Галичину и Волынь, игнорированием законных интересов местных украинцев в 1920-1930-х годах. Большая роль также отводится фактору вульгаризации национализма по мере его проникновения в широкие массы украинских крестьян: утверждается, что упрощенное восприятие национализма стало одной из причины кровавых расправ с поляками.<sup>72</sup> Украинская сторона также считает неприемлемым использование в официальных документах таких терминов, как “геноцид” и “этнические чистки” (хотя, как мы видели выше, многие украинские историки использовали именно эти термины по отношению к антиукраинским акциям Польши в 1944-1947 гг.), ибо считает их прерогативой ООН.

В своем историческом сознании украинцы привыкли позиционировать себя как жертву могущественных и коварных соседей. На 2003 год были запланированы мероприятия, связанные с 70-й годовщиной голода 1932-1933 гг. Именно на этом фоне украинцы (большинство – впервые) “узнали”, что и они, оказывается, были палачами для своих соседей. Эти обвинения автоматически спровоцировали ответную реакцию, поскольку в коллективной культурной памяти не нашлось ниши для восприятия подобной информации. На 2004 г. был запланирован “год Польши” в Украине. Фактически он начался на год раньше, в 2003, но прошел совсем не в “теплой и дружественной атмосфере”. Лишь небольшая группа либеральных украинских интеллектуалов подписала письмо с выражениями сожаления о волынских событиях, признав их трагической ошибкой. Перед многими мыслящими украинцами 2003 год поставил вопрос: “Какая Украина нужна Польше?”<sup>73</sup>

---

<sup>71</sup> Юрій Шаповал. Чи подолано “волинський синдром”? // День. 2003. № 47. 15 березня; Ярослав Грицак. Наше і дуже наше горе // Критика. 2003. № 7-8.

<sup>72</sup> Кость Бондаренко. Націоналізм і ксенофобія // Поступ. 2003. 14 червня.

<sup>73</sup> Сергій Грабовський. Яка Україна потрібна Польщі? // Сучасність. 2004. № 2. С. 59-62.

### *Память как политика*

На сегодняшний день уже очевидно, что юбилейные мероприятия состоялись, официальные речи произнесены, а конфликтные версии прошлого живут своей жизнью. Примирение не наступило. Кому же был выгоден этот юбилей? Почему праздновалась именно 60-я годовщина трагических событий, а не более “круглая” 50-я годовщина в 1993 г.? На наш взгляд, причину обострения украинско-польских отношений в сфере памяти следует искать во внутренней ситуации в обеих странах.

По мнению известного львовского историка, профессора Ярослава Дашкевича, “внутренняя и международная политика Польши служит тому, чтобы отвлекать внимание [поляков – А.О.] от экономических трудностей и перехода власти в стране к ‘левоцентристской мафии’”<sup>74</sup> (речь идет о социал-демократах – обновленных коммунистах бывшей ПОРП, к числу которых принадлежит и президент Квасьневский).

Действительно, в 2003 году поляки решали вопрос о вступлении в Европейский Союз, им предстоял референдум. Вероятно, если бы он состоялся в начале 1990-х гг., большинство населения страны проголосовало бы за вступление в ЕС. Десять лет спустя для многих граждан Польши целесообразность вступления в ЕС уже не была столь очевидной. По мнению Александра Смолара, “возвращение в Европу” перестало быть боевым кличем новых посткоммунистических демократий. Общественные дебаты сфокусированы на финансовой поддержке ЕС и на статусе отдельных национальных государств, а не на общей европейской судьбе и общих европейских проектах.<sup>75</sup> Поляки убедились, что Германия и Франция не спешат считаться с мнением новых членов ЕС, да и золотого дождя финансовой помощи не ожидается. Хотя Польша получит больше, чем все прочие новички – в 2004-2006 гг. ЕС предполагает выделять почти 67 евро на каждого поляка ежегодно – однако это не идет ни в какое сравнение с тем, что в свое время получали менее развитые, но зато не имевшие опыта строительства социализма страны. Так, например, Греция в 2000 г. получила помощь ЕС в размере 437 евро на каждого жителя.<sup>76</sup> Более того, специалисты прогнозируют, что после вступления в ЕС, состоявшегося

---

<sup>74</sup> Д. О. Свідник. Третій фронт на Волині // Поступ. 2003. 13 травня.

<sup>75</sup> Alexander Smolar. Europe’s Solidarity Under Siege // Institute for Human Sciences Newsletter. 2003. Vol. 3. No. 81. P. 30.

<sup>76</sup> Ibid. P. 29.

ся 1 мая 2004 г., в Польше из 2 млн. крестьянских хозяйств останется 100 тысяч. Маленькие хозяйства вряд ли выдержат конкуренцию с дешевым западным импортом. Не менее неприятные изменения ожидаются и в польской тяжелой индустрии, энергетическом и добывающем секторах с их устаревшими техникой и технологиями, на рынке труда и проч.<sup>77</sup> Наконец, вступление в ЕС угрожает национальному суверенитету и католическим ценностям поляков, что породило целую армию не просто “евроскептиков”, а “еврофобов”. Как отметил американский социолог Хосе Казанова, “католические еврофобы против европейской интеграции, поскольку сегодняшняя Европа утратила свою европейскую идентичность и поэтому ее секуляристские, материалистические, гедонистические ценности представляют угрозу католической идентичности и ценностям Польши”.<sup>78</sup>

Таким образом, вполне возможно, что шумная годовщина “волинской трагедии” должна была отвлечь внимание поляков от этих реальных угроз, позволить правительству Квасньевского перехватить инициативу у правоконсервативных сил в деле защиты национальных интересов поляков и обеспечить голосование за вступление в ЕС на референдуме.

В Украине официальные мероприятия по поводу трагической годовщины нашли поддержку в окружении президента Кучмы. 31 октября 2004 г. должны состояться выборы президента Украины. Наибольшие шансы выиграть их имеет лидер правой оппозиции (блок “Наша Украина”) Виктор Ющенко. Правые партии традиционно пользуются поддержкой большинства избирателей Западной Украины, а рейтинг действующего президента и всего нынешнего режима здесь чрезвычайно низок. Готовность Кучмы “покаяться” от имени Украины за преступления УПА вызвала очередные обвинения в предательстве национальных интересов. Однако ни ему, ни кандидатам от действующей власти в этом регионе все равно терять нечего. Зато они поставили в затруднительное положение правую оппозицию (национал-демократов), известную своей прозападной ориентацией и симпатиями к ЕС и НАТО. Для “Нашей Украины” поддержка извинения официального Киева означала бы потерю авторитета среди избирателей Западной Украины, защита же ОУН-УПА представит это дви-

<sup>77</sup> Валентина Писанская. Европа двух скоростей // Зеркало недели. 2004. № 16. 24 апреля. С.12.

<sup>78</sup> Jose Casanova. Catholic Poland in Post-Christian Europe // Institute for Human Sciences Newsletter. 2003. Vol. 2. No. 80. P. 29.

жение в невыгодном свете перед западными демократиями и испортит отношения с Польшей – членом НАТО. И если малочисленные праворадикальные и правоконсервативные партии и организации пикетировали дипломатические представительства Польши, то правоцентристам пришлось протискиваться между Сциллой и Харибдой обвинений в непатриотизме и негуманности. Некоторые восточноукраинские газеты не преминули воспользоваться возможностью уколоть националистов (бывших и нынешних).<sup>79</sup>

***“Декolonизация памяти” пролегалет через  
“войну воспоминаний”?***

Многие украинские историки, застигнутые врасплох “неджентельменским” поведением поляков (“выдавливавших” из Украины извинения и аргументировавших свои претензии собранными свидетельствами очевидцев трагедии), уже в ходе дискуссии 2003 г. делали заявления о необходимости форсирования сбора свидетельств украинцев о военных преступлениях поляков в 1942-1947 гг.<sup>80</sup> Как заявил директор Института украиноведения НАНУ (Львов), академик НАНУ д.и.н. Ярослав Исаевич: “В наших архивах собрано уже немало воспоминаний о таких случаях, но до сих пор они редко публиковались, и то, главным образом, в местной прессе. Теперь, когда началось давление на Украину относительно вынужденного покаяния, чувство обиды подталкивает некоторых украинских авторов взяться за публикацию отложенных в свое время в ящик материалов. Однако нужна ли такая эскалация взаимных обвинений?”<sup>81</sup>

Дальнейшее замалчивание конфликтного прошлого невозможно, эскалация “войны воспоминаний” опасна непредсказуемыми последствиями. Но выход из нее надо искать, причем всем восточноевропейским нациям, переживающим сейчас, по меткому выражению Пьера Нора, “деколонизацию памяти”.<sup>82</sup> И откладывать процесс припоминания и примирения нельзя, поскольку в посттоталитарном обществе,

---

<sup>79</sup> Евгений Ясенов. “Волинское примирение”: националисты – против // Салон Дона и Баса. 2003. № 52. 11 июля.

<sup>80</sup> Игор Льюшин. До питання про Волинську трагедію в 1943-1944 рр. С. 122.

<sup>81</sup> Ярослав Исаевич. 1943 рік у пам’яті поляків і українців // День. 2003. № 47. 15 березня.

<sup>82</sup> Pierre Nora. The Reasons for the Current Upsurge in Memory // Transit. 2002. No. 22 [<http://www.iwm.at/t-22txt3.htm>].

как тонко подметил В. Литвин, “утверждается, образно говоря, ползучая логика и психология свиньи под дубом”.<sup>83</sup> Хорошо это или плохо, но и сегодня исследователь не может оставаться в стороне от событий, происходящих в обществе с “непредсказуемым прошлым”, ибо “одной из наиболее важных функций историка является напоминание”.<sup>84</sup>

Подобно тому как с точки зрения современной журналистики событие, не показанное по телевидению, не существует, прошлое, не зафиксированное историками, не существует. Точнее, оно существует до тех пор, пока живы люди, в памяти которых оно отражено. Затем, со смертью носителей памяти, прошлое либо навсегда уходит в небытие, либо под пером историков превращается в “историческое прошлое”. По сути дела, историки делятся на две группы: первая изучает “историческое прошлое”, созданное предшествующими историками (античность, средневековье и т.д.), вторая – трансформирует прошлое (события последних 60-70-летней давности) в “историческое прошлое”.

Таким образом, “память-воспоминание” является своеобразным промежуточным звеном между прошлым и “историческим прошлым” и может быть использована историками наряду с документами, памятниками материальной культуры и т.п. В свою очередь, “историческое прошлое” посредством системы образования, музеев, памятников и юбилеев влияет на формирование “памяти-напоминания” у новых поколений, не живших в прошлом поколения уходящего, хранящего “память-воспоминание”. При этом “коммуникативная память” (как правило, живущая на протяжении трех поколений) трансформируется в “культурную память”: именно отражение этого процесса можно было наблюдать в событиях юбилея 2003 года. Происходит это путем ритуализации (юбилейные мероприятия) и материализации (памятники, музеи, мемориалы) коллективной памяти. На примере “волынского юбилея 2003” мы также видим и ее “утилизацию”, или “мобилизацию”, что, в свою очередь, создает новый социальный каркас памяти для “воспоминаний” последующих поколений.

### *Post-scriptum*

У меня в руках учебное пособие по истории Украины (тираж 10 тыс.), изданное уже после “волынского юбилея 2003” (сдано в печать 15.10.2003). В главе, посвященной войне, читаю: “Возникло подполь-

<sup>83</sup> В. М. Литвин. Самоствердження України. С. 12.

<sup>84</sup> Peter Burke. Varieties of Cultural History. P. 59.

ное движение. Подпольные большевистские и националистические организации, а на северо-западе – польские, имели собственные партизанские отряды”.<sup>85</sup> Чистки 1943-1944 гг. кратко упомянуты почему-то в главе “На пути мирного строительства (вторая половина 40-х – начало 50-х годов)” – может быть, этот сюжет вставлялся впопыхах, когда книга уже версталась? “Нестабильность межнациональных отношений в западном регионе Украины привела к кровавому конфликту между польскими и украинскими группировками. Его жертвами стали более 40 тыс. поляков и почти столько же украинцев”.<sup>86</sup> Лед тронулся?

## SUMMARY

In his article Alexander Osipian explores politics and varying representations of memory of the Polish-Ukrainian ethnic conflict during the after the Second World War. Osipian contends that the violent encounter between Polish and Ukrainian partisans in 1942-47 at the margin of the central conflict between the Nazi Germany and the Soviet Union has been largely forgotten. In the first part of his article the author demonstrates how a “civil war” in an ethnically mixed borderland was informed and sustained by historically formed national claims for the territory, respectively, in Polish and Ukrainian narratives of national history. The interethnic violence and changing ethnic balance of this borderland territory was also underpinned by the Nazi drive to change the ethnic map of Eastern Europe and the Soviet Union’s policy of repression and resettlement on this territory after the conquest. The second part of the article ponders the dynamics and consequences of subsequent obliteration of this conflict (and retrospectively the violent history of Polish-Ukrainian encounter) in the mnemonic narratives of the Soviet period (analyzed on the basis of history textbooks, public ceremonies, and politics of the PDR and USSR). The author argues that this obliteration was partly due to the Soviet ideological control over historical memory and contained an attempt to overcome the historical animosities for the sake of building the socialist solidarity in the Eastern Bloc. Another reason for obliteration was the expected therapeutic effort of forgetting on the side of new Polish and Ukrainian leadership. The author’s overview suggests that the return of nationally framed signification of the past during *Perestroika* and the post-Soviet period posed questions about the Volyn’ tragedy and brought about a larger issue of tackling the “unusable” past.

<sup>85</sup> Ю. М. Алексеев, А. Г. Вертегел, В. М. Даниленко. *Історія України: Навч. посіб.* Київ, 2004. С. 188.

<sup>86</sup> Там же. С. 197.